

Перед командировкой в зону СВО захватило чувство тревожного ожидания и такой же тревожной готовности ко всему, что может случиться. Столь знакомое мужчинам, служившим в армии... Для новобранцев – часто первый настоящий опыт преодоления страха неизвестности... За время службы не один раз это может повториться, при переводе из одной воинской части в другую. Прямо скажу, не очень приятное солдатское чувство, определяющее неустойчивое состояние души... Когда рождается истинное осознание, что судьба и сама жизнь тебе не принадлежат. Именно по этой причине в некоторых профессиях служба в армии является обязательной составляющей биографии и признаком профессиональной пригодности.

– Вылетаете девятого августа военным бортом из Чкаловска. От Союза писателей вместе с тобой летит поэт Ольга Хмара, – кратко, по-военному, конкретизирует по телефону детали председатель союза Николай Фёдорович Иванов.

Дальнейшая конкретика поражает серьёзностью подхода. Выясняется, что командировку осуществляет Министерство обороны, в свою очередь выполняя поручение ещё более высокой инстанции. На пути в Москву от военного куратора подполковника Голубцова получаю списочный состав группы. Взглядом упираюсь в фамилию Драпеко... Елена Григорьевна. Та самая Лиза Бричкина из «А зори здесь тихие» Станислава Ростоцкого. Любимая и для меня, и для многих актриса. Депутат Государственной Думы многих созывов. Заглавие документа и вовсе повергает в изумление – агитбригада. Быть того не может! Сколько программ агитбригад я поставил как режиссёр в своей жизни – не сосчитать. Полагал, что сам жанр исчез вместе с СССР и с руководящей ролью Коммунистической партии. И вот на тебе – агитбригада. Всё правильно. Фронтная концертная бригада, по сути, и есть агитбригада. Теперь кроме артистов в неё входят вместо политработника политолог и военный эксперт.

На КПП аэродрома встречает подполковник Голубцов. Константин Александрович представляет нас друг другу. Знакомимся. Хотя с Ольгой Хмарой уже созванивались. Даже детали выступлений обговорили. Ольга тоже поющая... Условились, что в роли аккомпаниатора отработаю я. Дело для меня привычное и хорошо знакомое. Актриса театра Александра Калягина Анна Артамонова тоже с гитарой.

– А Драпеко разве не летит? – интересуется Анна.

– Она сюда как домой ездит. К центральному входу аэродрома, как к своему подъезду, подъезжает, – поясняет ветеран боевых действий и наш военный эксперт, полковник Борис Александрович Сметанин.

Политолог Константин Блохин улыбается. Он почти всегда улыбается. Но назвать его человеком улыбчивым нельзя. Слишком немногословный для

своей профессии, Константин Владимирович отличается умением органично молчать, выражаясь театральной лексикой.

Смешанный авиаполк за КПП встречает аллеей с бюстами героев, в разные годы служивших в части. Минуем взлетающий с постамента «МиГ-21». Проходим дальше, к зданию аэродрома. В отремонтированном по современным стандартам огромном здании накапливается народ... Кроме военнослужащих самых различных родов войск – представители Единой России, волонтеры Народного фронта. Гражданские специалисты... И военные, и гражданские, все – особые люди... Оказывается, в обществе достаточно давно существует целый социальный пласт, с которым никогда прежде не пересекался. Многие знакомы по многочисленным в последние годы горячим точкам. От Афганистана и Кавказа до Сирии и Донбасса. Нужно вспомнить и Югославию. Обнимаются, целуются. Искренне рады встрече друг с другом. Здесь же молодёжная рок-группа, вылетающая нашим бортом. Невольно привлекает взгляд мощный, мужественный облик военного корреспондента медиа-холдинга «Комсомольская правда» Дмитрия Стешина. Впервые вижу его не в репортаже с телеэкрана. Куда кто летит, надо разбираться. А пока почти все считают обязательным подойти к только что прибывшей Елене Григорьевне. Тот случай, когда надо держаться ближе не к кухне, а к начальству. Тем более, что никакой кухни или кафе на военных аэродромах не предусмотрено. Поэтому первое, что тебе говорят, это – что нужно брать с собой еду и больше воды. Вода при боевых действиях – продукт стратегический. Куда бы ни ехал, воды берёшь максимально больше. Не выпьешь – оставишь тому, кому она может пригодиться.

Через «сюрпризов» продолжается. Выясняется, что вылетаем не в Донецк, а в Белгород. Вообще-то я намеревался лететь на Донбасс... Эмоциональная, как и положено настоящей актрисе, Анна Артамонова тоже сетует, жалуется Елене Григорьевне:

- Я на Донбасс собралась. А Западная группа войск – это же не Донецк.
- Война – везде война. Навоюешься ещё, деточка, – утешает её Драпеко.

Мудрая Елена Григорьевна знает, что говорить ребёнку. Хотя у деточки, как выясняется, четверо своих детей.

Совершенно этим не бравидуя, Анна, высокая, стройная, похожая на молодую Ирину Алфёрову, позже, из концерта в концерт, достаточно обыденно будет объявлять:

- Конечно, прежде всего я – мама.

Облик Анны у зрителя плохо ассоциируется с общепринятым обликом многодетной мамы.

Военный борт – советский «Ту-154», на памяти которого, наверно, рейсы ещё в Афганистан. Отличие от гражданского – экипаж, состоящий из военных лётчиков. По-прежнему надёжная, боевая машина. Разве только приспособление для отстреливания тепловых ловушек отсутствует. Вряд ли такая износостойкость присуща заполнившему воздушное пространство России гражданским «Боингам».

Уже в самолёте очередной сюрприз... Будем работать вместе с концертно-эстрадной группой Краснознамённого ансамбля песни и пляски Российской Армии имени Александрова. Из этого следует, что полуторачасовое выступле-

ние нашей бригады нужно нещадно сокращать. Казалось бы, простое дело, если бы не самодостаточность участников, каждый из которых привычно способен работать сольно. Да ещё и с разными программами. Недоумеваем, но понимаем и то, что исполнительский уровень военных музыкантов таков, что их творческая самодостаточность самого высокого уровня. Причины столь необычного состава объединённой концертной бригады станут понятны позже. А пока ясно только то, что александровцы уже в Белгороде. И первое наше совместное выступление завтра. В одном из госпиталей.

Маршрут, как выясняется, более чем просто путаный. В первой половине: Москва – Ростов-на-Дону – Анапа – Севастополь... Точнее – Бельбек. Перед конечным пунктом снова – Ростов. В полёте по расположению солнца в иллюминаторах лайнера становится понятно, что борт делает большой крюк, облетая стороной Донбасс, с учётом радиуса действия вражеских ракет «земля – воздух». Достаточно очевидна причина закрытия воздушного пространства юга России для гражданских самолётов.

Чёрное море проплывает под крыльями лайнера как личные воспоминания о детстве и отрочестве. Меньше чем за час. В Бельбеке командир борта снова берёт на себя функции стюардессы:

– Упаси вас Боже что-то снимать. Дело будете иметь с ФСБ. А главное, если чей-то бортовой номер засветите – людей под удар подставите. За бортом плюс тридцать пять... Ветер семнадцать метров в секунду. По трапу спускаемся аккуратно. Иначе самостоятельно взлететь можете...

Но все предупреждения скорее формальность. Большинство пассажиров люди бывалые и без указаний знают, что можно делать, а что делать не следует. Дует моряк. При такой температуре и таком ветре влага из тела вылетает в пять минут. Не зря было сказано не раз: «Берите с собой больше воды».

Во время перекура кто-то угощает «трофейными» украинскими Marlboro. Несмотря на красно-белую раскраску пачки, к настоящим они имеют мало отношения из-за неистребимого махорочного привкуса. И такой же махорочного свойства надписи: «Куріння небезпечно для вашого здоров'я».

Наш борт заправляется. Выгружается московская рок-группа. Музыкантам предстоят концерты в воинских частях и в госпиталях Севастополя.

– «Музыканты» из ЧВК Вагнера любопытно выгружаются, – замечает подполковник Голубцов. – Из серии «всё своё ношу с собой». Баулы, баулы, баулы...

Вместе с ним отслеживаем, чтоб не выгрузили по ошибке ничего нашего. В Ростове группа военных связистов вместе со своим оборудованием намеревалась выгрузить мою гитару. В армии за всем нужен глаз да глаз. Бросаются в глаза вооружённые укороченными автоматами рослые и мускулистые военные, загружающие в крытый грузовик почтовые отправления. Из рук в руки по цепочке бросают друг другу увесистые пакеты.

– Форму выгружают, – профессионально определяет наш полковник Сметанин.

– Не знай, что это почтальоны, их можно было принять за представителей спецназа, – замечаю я.

– Они и есть спецназ. Это фельдъегерская почта, – поясняет Голубцов.

На всех аэродромах, где доводится побывать, идёт непрекращающаяся боевая работа. Боевые машины нигде не застаиваются. Где-то неспешно вырывают на взлётку «К-52», где-то сразу поднимаются вверх военно-транспортные «Ми-восьмые». Дожидаются сотоварищей и берут курс, когда на северо-восток-восток, когда на запад истребители и штурмовики. В начале взлётной полосы и в её конце всех встречают и провожают бдительные ЗРК «Тор».

Только поздним вечером, после двенадцати часов перелёта с посадками и дозаправкой, мы оказались там, где нам следует быть... В Белгороде.

Утро следующего дня и первое выступление.

– Когда впервые прилетели в Афганистан, – рассказывает и напутствует перед началом концерта Елена Григорьевна, – пришлось сразу же выступать перед батальоном, только что выведенным из боя. Для большинства солдат бой был первый... Тут тебе и погибшие сослуживцы, и ранения тяжёлые и лёгкие, и контузии, и глухота после пальбы своей и чужой... Все грязные, в копоти, ошалевшие после боя... Им, чтоб прийти в человеческое состояние, нужно проплакаться, а лучше, если не посмеяться, то хотя бы улыбнуться.

Первое в моей жизни выступление, когда я поклонился не в конце концертного номера, а в начале выступления... Так и сказал:

– Хочу поклониться вам, ребята, за ваш тяжкий труд...

Раненые – особая категория зрителей. Они точно инопланетяне... Пришельцы из другого мира. И это читается в манере держаться. Люди воевавшие и без того, как правило, немногословные и сдержанные. Люди, обогащённые горьким фронтовым опытом боевого ранения, сплошь и рядом вовсе молчунны. Они знают о жизни и смерти больше других. Раненые в полном смысле – люди «не от мира сего»... А боевое ранение не тот житейский опыт, которым хочется делиться...

Все одеты по гражданке. Жара к тому же. Летние брюки и шорты. Футболки. Кроссовки, шлёпанцы. Позже уже в другом госпитале бросается в глаза любопытная деталь – некоторые бойцы носят на поясе ножи. Можно увидеть самые разные, от специальных ножей разведчиков до охотничьих. В принципе, ничего удивительного. С одной стороны, указывает на принадлежность владельца к спецназу или к разведке. А с другой стороны – особенность этой войны. Экипировку и часть вооружения можно отнести к личным вещам. А для кого-то – это дорогой подарок и талисман, не подлежащий сдаче в камеру хранения. Потом, у кого-то есть наградное оружие. Хотя, вероятно, этот вопрос целиком на рассмотрении администрации госпиталя. Не каждому раненому можно оставить какое бы то ни было вооружение. Даже холодное. Ветераны смотрят снисходительно.

– И мы такими были...

– Я уже ничему не удивляюсь. У меня это третья война, – говорит Елена Григорьевна.

– У меня четвёртая, – замечает легкораненый лет сорока.

– Милый мой, да когда же ты успел? – восклицает актриса и депутат.

Пожимает плечами:

– Успел...

Перед первым концертом александровцы недоумевают не меньше нашего. Действительно, зачем объединять в одно выступление два исполнительских коллектива? Упрёки адресуются представителю областной администрации, представившейся Марией.

– Не лучше ли было бы развести два коллектива по разным сценическим площадкам?

Ничтоже сумняшеся, молодой чиновник равняет двух полковников и подполковника. Не сказать, что военные рады такому обороту дел, но Мария непреклонна. Причина столь странного подхода к организации выступлений проясняется. Ансамбль Российской Армии – слишком лакомая цель для вражеских РДГ и артиллерии, чтобы отдельно афишировать их выступления. А так – агитбригада и агитбригада... Все всё поняли. Антидиверсионной борьбой в Белгороде озадачены не только воинские части и госпитали, но и гражданская администрация области.

Ансамбль Александрова – ансамбль, выступавший в годы Великой Отечественной перед дедами и прадедами нынешних бойцов. И преемственность ощущается на подсознательном уровне... О выступлениях коллектива нужно писать отдельный очерк. В данной ситуации автору приходится ограничивать себя. Каждый концертный номер, как и положено – законченное произведение искусства. Режиссёрски программа выстроена безупречно. Жанрово не хватает танцев. Но это не критично. С ансамблем выступают актёры Театра Российской Армии и три эстрадные солистки. Среди них заслуженная артистка России Татьяна Дерябкина. Век живи – век учись. Как режиссёр понимаю, что во фронтовой бригаде обязательно присутствие женщин. Любого возраста. Для кого-то женщина, по возрасту, подруга, для кого-то сестра, для кого-то мать. Может быть даже бабушкой. От лица родных и любимых актрисы и эстрадные певицы обращаются со сцены к самым дорогим своим зрителям и слушателям. Это всегда желанные артисты. Высказав, что положено, как депутату, Елена Григорьевна возвращается к профессии. Но прежде этого любимая, истинно народная актриса традиционно спрашивает:

– О войне будем говорить? Или о любви?

При упоминании войны по залу, или по открытой площадке, будь то госпиталь или воинская часть, или при выступлении перед *мирными*, и сейчас, и потом будет проходить лёгкий гул. С тем подтекстом, что «пошла она, эта война»...

У меня начинает складываться новая песня:

Разметал птах
огонь во все стороны,
и одни только
каркают вороны...
Да, бывает,
зарядом усиленным
дальнобойное
ухает филином...

Спой
заветную песню,
соловушка,
чтоб моя не поникла
головушка.
Спой
любимую
песенку мне.
На войне –
не поют о войне...

Но всё же спел под гитару, песню «Рассказ Автомата Калашникова». Всё по делу... Но тут же пою о любви... «Мне снилась женщина» и «Русский мотив», поверх минусовки. Гитару для песен позже возьму в руки только один раз. А пока аккомпанирую Ольге. Насколько талантливая, настолько по-женски привлекательная, Ольга тоже корректирует свою программу. В следующих выступлениях петь она больше не будет. Из тех соображений, что чисто поэтическое слово из её уст более уместно. К тому же не стоит дублировать Анну. Не могу сдержать добрую улыбку, глядя на наших девчонок. Если Анна похожа на Ирину Алфёрову, то у Ольги внешняя схожесть с певицей Валерией. Звёзды – одно слово. К тому же выясняется, что Ольга прекрасно двигается, присоединившись к танцующим медицинским работникам, которым александровцы, давние их знакомые, посвящают отдельный номер. А что до Анны, её пение далеко не актёрское, чего, казалось бы, следовало ожидать. Кроме того, что она актриса, она вполне себе самодостаточная вокалистка. К тому же весьма прилично владеет гитарой.

«Рвутся на фронт» – расхожая фраза. Скорее, штамп. Раненые рвутся в бой достаточно обыденно. Буднично и просто готовятся к тому, чтобы вернуться в строй. И вся гамма переживаний сводится к простому и житейскому: «Как там пацаны?». В одном из госпиталей женщины разговорили раненного в руку молоденького парнишку. Танкисты вообще не отличаются большим ростом. Этот к тому же – внешне подросток. Невысокий. Худой. На передовую парень именно *рвётся*. Оказывается, воюет вместе с братом. На контракт пошли сразу со срочной. Сдаётся мне, нужно выразить благодарность их командирам, разведшим двух братьев, как я понял, по разным экипажам. Были бы в одном – неизвестно, как сложились бы их судьбы. А так... Один воюет, а другой рвётся на фронт. К брату и к пацанам... К братьям по оружию.

В другом госпитале ещё несколько молодых бойцов, недавно отслуживших срочную. Совсем мальчишки.

– А вы правда контрактники? – с сомнением интересуется Ольга.

Жена офицера, она крайне чувствительна к этой теме.

– Правда. Мы со срочной сразу на контракт пошли, – разъясняет за себя и за товарища боец.

Кажется, одного из них, уже в ноябре месяце, вижу по телевизору. Герой получает награду. Хотя, конечно, могу ошибаться.

Нельзя не сказать о военных врачах. К тому же на прифронтовой территории и гражданские врачи – уже не совсем гражданские. И если фронтовики немногословны, то военврачей можно считать людьми крайне замкнутыми и сдержанными. Невольно отмечаешь сходство со священнослужителями. Они точно посредники между Всевышним и человеком. Их жизненные знания таковы, что выносить их из зоны боевых действий нельзя. Они сразу попадают в категорию знаний тайных. А это насколько ответственный, настолько и тяжёлый груз для носителей такой информации... Возьму на себя смелость утверждать, что военные врачи, как и вся отечественная медицина, оказались наиболее подготовленными для выполнения боевых задач. С недавней пандемией сработала русская поговорка (скорее, истина): «нет худа без добра». Разница между пациентом и раненым не стала столь разительна из-за присутствия огромной доли беспомощности в первом и во втором случае. Необычайно остро переосмысливается завет Пирогова: «Раненого нужно не только вылечить, но и выводить». А до этого ещё и вытащить с поля боя. Напряжения в работе госпиталей почти не ощущается. Суеты, и тем более паники вообще нет. Хотя иногда подъезжающие кареты скорой помощи воспринимаются персоналом госпиталя, как сигнал тревоги. Кто-то встаёт и уходит во время концерта. Со сцены звучат слова благодарности не только раненым, но врачам и сёстрам. Низкий вам поклон, родные! Всем, от военфельдшера на переднем крае до хирургов ведущих столичных клиник. Войны выигрывают раненые. И ваш вклад в нашу грядущую Победу неоценим.

Почти все ранения минно-взрывные. Осколочные. Общим фоном контузии, от тяжёлых до лёгких. Любопытно, как проявилась солдатская смекалка в работе хирургов. Для извлечения мелких осколков иногда стали использовать сильный магнит. Хотя некоторые боеприпасы, особенно натовские, как правило, магнитятся плохо.

Нет на войнах сладости.
Не на то рассчитаны...
Фронтовые «радости»
горечью пропитаны.
Божие участие
не считай везеньем.
Фронтовое счастье –
лёгкое раненье...

В госпиталях ничего лучше не придумаешь, чтобы вникнуть в обстановку, чем покурить в солдаткой курилке. Кури и слушай. Одна беда – даже профессиональной памяти не хватает, чтобы запоминать позывные и мелкие детали. Но записывать или пользоваться диктофоном не следует. Некрасиво это... Не поймут... Лозунг «Болтун – находка для шпиона» в армии помнят и чтут. Представиться писателем тоже нельзя. Подозрительно на тебя смотреть, может быть, и не станут, но вместо нормальных впечатлений получишь интервью самого низкого пошиба. А так и они не болтуны, и сам не чувствуешь себя шпионом. И потом, в одном коротком монологе можно и историю услышать, и характеры прочесть:

– Наш комбат корректировщиков лично натаскивает, – рассказывает артиллерист с лангетом вокруг шеи. – А если сам корректирует – это песня... Координаты сбросил... Одним орудием пристрелочным врезали... Есть! Командует залп! Сразу снимаемся. До запасной позиции ещё не доехали, он координаты новой цели уже рассчитал и нам бросает. Готовность доложили. На! Попадание...

Избегают говорить об утратах. Это проживается про себя. Бойцы не нуждаются в напоминании о президентском указе о неразглашении количества потерь. Хотя любой мало-мало знакомый с военным делом человек без труда определит количество безвозвратных потерь по количеству раненых. Но надо отметить, что соотношение сейчас небывалое... В лучшую сторону... Вероятно, такое впервые в истории войн...

Спрашиваю раненых:

– Знаете, как на мове будет «воинские подразделения»?

– Как? – интересуется кто-то.

– Воїсковые підрозділивы.

Смеются.

– Вот они и получают, что положено пидороздиливам, – хохочет раненый боец-разведчик.

Не могу ничего с собой поделывать – отношусь к украинской мове, как к аналогу уголовной фени, зародившейся в среде приторговывавших краденым, розничных торговцев – офеней. В позапрошлом веке... И дело не только в криминальных наклонностях коробейников-офеней и киевского режима... Любой сленг рождается от необходимости обособиться и заговорить на языке, мало понятном для окружающего большинства. Как правило, с целью сокрытия своих намерений, дел и делишек. Любой нормальный язык имеет говоры. Украинский не исключение. Все знают, что говор Полтавы весьма серьёзно отличался и отличается от говора Черновцов или Ужгорода. Донбасс, Харьков и сам Киев всегда были более русскоязычными, нежели украиноговорящими. А том, на каком наречии изъясняется Одесса, не всегда могут объяснить даже сами одесситы. Говорят, как исторически сложилось, как им нравится и как удобно. Нет, нужно было провозгласить государственным языком то, что создано с опорой на говор западно-украинский. Зачем? Затем, чтобы с последующим фактическим запретом русского языка насильно заставить население обособиться и отгородиться от русского мира. И если раньше многие русские «трохи розуміти» по-украински, то теперь кажется, что сами украинские политики «не розуміють, що говорять». «Что городят», говоря русским языком. Хотя понятно, что они нагородили за три десятилетия самостийности. До того дошло, что «не люблять українські пісні за то, що їх прокляті москалі люблять».

Есть у меня и совсем личная причина неприятия мовы. Дело в том, что не появившись в моей жизни отчим – не стал бы я Сергеем Максимовым, а был бы Сергеем Осадчим. Первые представители моего рода, ведущие своё начало от запорожских казаков, попали в Сибирь по Столыпинской реформе из Черниговской губернии, нынешней Брянщины. В Сибири за западно-русский

говор их воспринимали как украинцев, но сами они никаким украинством отродясь не заморачивались. Осознавали себя истинно русскими людьми с запорожскими корнями. А компактно потомки запорожцев проживают вовсе не на Украине, как хотелось бы самостийникам, а на территории Кубанского казачьего войска, куда на дарованные им плодородные земли их переселила Екатерина Великая. В полном смысле руководствуясь понятием «от греха подальше»... И изъясняются эти истинные украинцы, чьи предки проживали у края русских земель, на южно-русском говоре, вместе с западно-русским, приписанным теперь к суржику. Но если суржик – это хлеб, замешанный из пшеницы и ржи, то мова – это точно хлеб с преобладанием отрубей.

И ещё о личном... Приехав на Кубань к кубанскому казаку, к своему деду Ерофею Максимову, мне хватало одного дня, чтобы без всякого напряжения начать балакать по-кубански.

Смешно сказать, но шибболет «паляница» для меня, как и для Елены Григорьевны Драпеко, меньшая проблема, чем для персонажей из числа бандеро-фашистского интернационала. В нас всяко-разно больше украинского, чем у бандеровской сволочи, захватившей власть на Украине.

Это, вероятно, первые в современной истории боевые действия, когда в зону непосредственного боевого соприкосновения проезжаешь через таможенный пост. В нашем случае – это просто. Отдаём паспорта без обложек, не выходя из микроавтобуса. На украинской территории получаем документы. За таможенным постом пост пограничный. Естественно, он один, и он российский.

Бойцы военной автоинспекции экипируют нас соответственно боевой обстановке. Каска и бронежилет – пушинки, если сравнивать с прежними. От каски советского образца в первое время шея нудит так, что выражение лица становится страдальческим. В мотострелковой учебке ношение каски иногда являлось наказанием за потерянную пилотку. И горе тому, кто таскает её день-два, не снимая. Мало того, что шея ноет, так ещё каждый норовит бросить камушек, а то и стукнуть чем-нибудь поувесистей. Фотографируемся с тем, с кем можно фотографироваться. Пограничники, впрочем, лиц не скрывают. Майор-пограничник, внешне балагур и юморист, заученно озвучивает правила поведения *за ленточкой*.

Интересуюсь:

– А вы почему лица не прячете?

– А нас враг давно в лицо знает, – шуткой на шутку отвечает страж границы. – Некоторых по именам и фамилиям, – добавляет, смеясь.

Нравится мне этот майор. Не может не нравиться. Приколист, сказали бы молодые люди.

Спрашиваю о насущном:

– Товарищ майор, где у вас место для курения?

– За мной бегом марш! – с серьёзным лицом командует офицер, оглядев мой полувоенный прикид.

Бегу за ним. Осознаю, что по возрасту я офицер уже не строевой. Но за ополченца вполне могу сойти. Забегаем за броневтомобиль ВАИ.

– Садись, – присев на корточки за капсулой «Рыси», командует пограничник. – Здесь курят...

Оба смеёмся. Потом майор убегает по своим пограничным делам. Куда бросить окурочек, сам разберусь. Всяко-разно не на плац. Бросить окурочек или плюнуть на строевой плац – проступок, равный преступлению. На таких делах ловят шпионов...

Фотосессия с оружием... Принимающий нас подполковник Олег Кареткин отсоединяет от автомата магазин, протягивает нам. По военно-учётной специальности я, хоть и отставной, но офицер-мотострелок. Не хватало мне ещё, как стройбатовцу перед присягой, напоказ, фотографироваться с оружием. Сметанин и Костин тоже отказываются. Дамы, кроме Елены Григорьевны, берут автомат в руки охотно. Смотрятся эффектно. Но Голливуд, где оружие часть антуража – не наша тема. В боевых условиях автомат, отмечаю, носится теперь вопреки строевому уставу Советской Армии. Это, вероятно, новшество сирийского, а может быть, ещё кавказского или балканского происхождения... Оружейный ремень крепится только к прикладу, а твоя шея с плечом просовывается в образовавшуюся петлю. Примерился. Очень удобно. Опущенная вниз правая рука точно попадает на пистолетную рукоятку. При команде «к бою» нужно лишь поднять руку с автоматом, снимая его с предохранителя во время движения самой руки. Если патрон не в патроннике, то передёргивая затворную раму... Никаких тебе «на плечо» и «на караул».

За *ленточкой* наши ангелы-хранители – военные автоинспекторы. Во всех отношениях универсальные солдаты. Перед одним из концертов одному из актёров становится плохо. Жара, да и стресс. Как ни крути – зона боевых действий... Явно признаки эпилепсии... С таким диагнозом и просто в армии служить нельзя, а он тут оказался. Такая беда и для сцены – приговор... Имея опыт оказания первой помощи при такого рода приступах, бросаюсь к нему. Перевернул парня на бок. На подмогу бросается военный автоинспектор. Сразу берёт инициативу в свои руки:

– Не надо ничего в рот ему толкать. Помогите! – приказывает мне, ложась на спину. – Давай его сюда...

Вручаю ему нашего пациента. Инспектор фиксирует его голову руками, ногами обхватывает дёргающееся тело.

– Ноги ему придержи, – приказывает мне. – Не надо ничего в рот ему толкать. Язык у него не вываливается... Сейчас минуты три пройдёт – встанет как ни в чём не бывало... Они три минуты перед приступом и три минуты после него ничего не помнят.

Меня оказывать медицинскую помощь учили по советским методикам. Как выясняется, они устарели.

Действительно, через минуты три наш пациент приходит в себя. Ошарашенно смотрит по сторонам. Просит закурить.

– Погоди курить, – повышает голос сопровождающий александровцев полковник в гражданском, имя которого он лично просит меня нигде не упоминать.

– Концерт уже? – ошарашенно спрашивает актёр.

– Какой тебе концерт! Сядь вон в тенёк... А лучше в клуб зайти. Там прохладней, – не понять, то ли приказывает, то ли рекомендует полковник.

Событийный ряд прошедших месяцев таков, что вместо того, чтобы гнать от границы по разбитой дороге в бронев автомобиле ВАИ, а затем въехать в город Волчанск Харьковской области Украины под жарким августовским солнцем, пристально вглядываюсь в кадры из Волчанска осеннего. Ровно через месяц после описываемых событий город снова оказался в руках врага.

Видео, выложенное в интернет украинской стороной после оставления города нашими войсками, смотреть неприятно... Унылое видео... Всеобщего ликования и радостных лиц горожан в нём вы не найдёте. Уже, вероятно, октябрьские или ноябрьские ролики напоминают кадры из оставленной по весне Буче. Те же два одиноких молодых человека, похожие на обдолбанных наркоманов, размахивающие украинским флагом на обочине дороги. Такое ощущение, что это одна и та же парочка кочует из ролика в ролик в кадрах украинской кинохроники, чтобы приветствовать украинских «освободителей». Не могу вспомнить, но где-то ещё мелькали эти двое. Слава Богу, мёртвых тел на дороге и следов каких-либо разрушений не видно. Были бы, конечно, показали... Есть ещё любительские осенние ролики. Один о работе группы волонтеров. Молодые люди, судя по русской речи, харьковчане. Выгрузили гуманитарную помощь и привезли кастрированного бездомного пёсика. Определили его к новым хозяевам. Трогательно, конечно, если не знать, что в гуманитарке от Единой России отдельной статьёй проходит корм для животных, причём в таких объёмах, как вся привезённая в Волчанск этими волонтерами гуманитарка. Выглядит она весьма скромно. В Донецке, кстати говоря, существует большой домашний приют для обездоленной войной животинки. Да и не один, наверное...

Наша гумпомощь ни по объёму, ни по содержанию несравнима с представленной в ролике. Она ещё и дифференцирована. Для военных одна, для раненых другая. Третья для гражданского населения. Где-то больше съестного. Где-то бытового. Пропорции продуманы и выверены жизнью.

Перед началом каждого концерта волонтеры тщательно пересчитывают количество зрителей – иногда убирают, иногда добавляют достаточно объёмные пакеты. Существует ещё и резерв для тех, кто не смог прийти. Часто помощь ещё и развозится до конкретного адресата.

Судя по другому ролику под названием «Город-призрак», население, вероятно, эвакуировано.

Хорош бы я был, если бы опубликовал этот *материал* с упоминанием конкретных людей с конкретными фамилиями накануне контрнаступления ВСУ! У меня нелады с житейской интуицией, но с интуицией творческой всё с точностью наоборот. Теперь даже могу назвать конкретные детали и факты, меня тормозившие. Мне есть что рассказать, и я непременно это сделаю. А пока оставляю лишь те немногие эпизоды, в которых род деятельности и подлинные имена и фамилии героев не читаются.

Тогда, в августе, представитель военно-гражданской администрации, не скрывая горечи от происшедшего, рассказывает:

– Наши дали им возможность выйти из города. Они, сволочи, ничего лучше не придумали, как на следующий день ударить кассетными боеприпасами и засыпать весь центр минами... «Лепестками» этими клятыми... Вчера ещё были здесь, ели, пили, можно сказать, из наших рук... А с утра пораньше – нате вам! Слава Богу, что весна, снег сошёл, и трава ещё не вылезла. Но от того, что всё это было видно – волосы на голове дыбом вставали. Всё вокруг усеяно было... В первые часы наши просто из автоматов мины расстреливали...

Красноречивее главы само здание Дома культуры. В начале лета в него метили ракетой – именно как в центр раздачи гуманитарной помощи. Вероятно, наше ПВО перехватило ракету, и удар большого обломка пришёлся по находившемуся вблизи магазину. В ДК повыбивало осколками стёкла. Оконные сразу заменили, но стёкол большого размера для фойе не нашлось. Огромные заплатки из ДВП окончательно изуродовали без того пошарпанное временем, достаточно запущенное здание советской постройки, стоящее без капитального ремонта не менее тридцати с лишним лет. С осыпающимся мозаичным панно советской тематики на фасаде...

– Главное – газ у нас теперь российский. Значит, зиму переживём, – утешает себя и нас чиновник.

Теперь и не знаю, кто пережил, а кто нет...

Опускаю диалоги многих бесед. Можно подставить людей... Как пример депутатской работы оставляю урезанный эпизод, характеризующий депутатскую работу Елены Григорьевны. Не могу не привести. После разговора с одним из жителей Драпеко достаёт из сумки кошелёк. Протягивает собеседнику деньги в крупных купюрах:

– Это вам от меня лично. На что потратить, лучше меня сообразите.

Потрясённый человек изумлённо замирает, прижав к груди деньги. Он ничего не просил. Произносит почти шёпотом:

– Спасибо.

По нему видно, что ни копейки он не потратит без пользы для дела. О больших зарплатах депутатов справедливо говорят много. От себя скажу: таким депутатам, как Драпеко, депутатское жалованье нужно повышать.

На центральной площади Волчанска, у памятника, разговорил пожилого мужчину. На мой вопрос о малочисленности людей на улицах авторитетно сообщает:

– Где-то процентов сорок выехало... Из этих сорока примерно одинаково – двадцать в Украину и двадцать в Россию. В основном детей увозили. Молодёжь опять же...

То, что произошло в сентябре, теперь не составляет военной тайны. Противник с удивлением обнаружил, что наступающая сторона не имеет на харьковском направлении не только эшелонированной обороны, но и просто резервов. В первый, и будем считать, что в последний раз за компанию, ВСУ имели возможность наступать по натовской методике COIN. Это когда можно гонять на джипах с пулемётами, почти не опасаясь нарваться на огонь.

Тот, августовский концерт в Волчанске – особенный концерт. Он необычен во всех отношениях. Выйдя на сцену, невольно оторопел. Причиной оторопи явилось почти полное отсутствие в зале мужской составляющей. Женщин на спектаклях и концертах вообще всегда больше, чем зрителей и слушателей – мужчин. Здесь же – абсолютное преобладание женской половины. Где мужики? Ответ очевиден – в ВСУ. Кого-то уже, надо полагать, нет в живых... А их матери, жёны, дети об этом даже не знают. И, учитывая нежелание киевского режима признавать огромные потери, никогда так и не узнают. Но догадываются. Словом, душа у людей на разрыв... У агитбригады понимание сложности ситуации формируется моментально. Политолог Блохин и военный эксперт Сметанин уже пережили свой шок от вида со сцены. Свои выступления сократили до минимума. Ума и такта им не занимать. Не тот это случай, когда кого-то нужно агитировать. Нужно просто, без даже малой доли пафоса, кратко и сдержанно объяснять, что уже произошло и что происходит. Излагать факты. А то, что будет происходить дальше – известно только Богу.

В очередной раз поражаюсь мудрости и выверенности подхода Елены Григорьевны:

– О войне или о любви?

Она читает стихи, перемежая чтение с актёрскими историями. Концертный зал становится истинно её залом.

Выступая следом, представляемый как писатель, успокаиваю слушателей:

– Не пугайтесь. Свои исторические романы я вам читать сегодня не буду.

Смеются. Следуя завету Елены Григорьевны, пою о любви:

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жизнь начала
песню.
Эх, была не была...
Ночь – как сажа бела,
где со мной ты спала
вместе.

С концертной аудиторией творится что-то не то. Сразу не понимаю, в чём дело. Принимают, но... Доходит до моего понимания быстро... Так складывается, что я обращаюсь к женщинам от имени их мужчин:

Ни о том, ни о сём
мы с гитарой вдвоём
вечерком да вздохнём
тихо.
Мы устроим в душе
прежний рай в шалаше.
Нам не страшно уже
лихо.

Да что же это такое творится? Строки песни, написанные много лет назад и совсем не военного содержания, уместны именно здесь.

Здравствуй, брат-вечерок,
разжигай костерок.
Я черкну пару строк.
Можно?
И строка за строкой
отзовётся тоской.
Ой-ёй-ёй, ой-ёй-ёй,
сложно!

Вот именно что сложно... Очень всё не просто... Неожиданно зал начинает отбивать ритм песни ладонями. Наверное, обычный артист воспринимает такие вещи почти как должное, но я-то необычный... Как литератор знаю ещё кое-что:

Этот русский мотив
сердце болью залил.
Вот и жизнь начала
песня.
Эх, была не была...
Ночь – как сажа бела,
где со мной ты спала
вместе.

Такие аплодисменты дорогого стоят... Долго аплодируют... Свои стихи читает Ольга Хмара. В прежних концертах она их не читала:

Молча шагнули полки за полками.
Красное в небе полощется знамя.
Грозная сила с Иваном на марше:
Пращурь, деды и отчичи наши.
Сила святая зло переборолла.
Прячет лицо от прозренья Мыкола.
Плачут без слёз, не докликавшись сына,
В чёрном – Россия и Украина.

Всё выступление александровцев можно характеризовать двумя словами: «Россия пришла». Так сложилось, «со слезами на глазах»... В финале концерта люди и радуются, и плачут одновременно. Что до артистов – приходит осознание сложности и противоречивости всего, что происходит с нами со всеми в последние месяцы...

К крыльцу с обратной стороны Дома культуры, где в тени образовалось что-то вроде курилки, подходят трое молодых людей лет тридцати. Видно, что наши. В украинской глубинке народ одет плохо. Немногочисленная молодёжь, иногда явно видно, донашивает одежду за старшими. Да и почти нет её – моло-

дэжи. А эти в дорогих джинсах и в не менее дорогих и качественных кроссовках. Футболки. Бейсболки. Ухоженная небритость на лицах. У двоих на боку кобуры с пистолетами Ярыгина. У одного в нагрудной сумке или «Стечкин» с глушителем, или что-то более скорострельное. Это может быть и пистолет-пулемёт. Теперь, спустя время, понятно, что из-за отсутствия военного гарнизона парни выполняли функции военного патруля. Старший улыбается:

– Я из Томска.

Дело в том, что во время выступления обязательно говоришь, что ты из Сибири и из Томска. Землячество в армии – особая тема. Иногда до смешного забавная.

– Ты откуда? – может спросить сибиряк нового знакомого.

– Из Владивостока.

– Я из Омска.

– Земляк!

Где Омск и где Владивосток? Но за Уралом... Значит – земляки...

Сибирские полки в то время ещё подтягивались. А тут – томич! Обнимаемся. Везде за *ленточкой* при желанной встрече обнимаются. Даже целуются. Нелишне напомнить, что гомосексуалисты просто присвоили, приватизировали древнюю традицию воинов целоваться. Точно так, как нынешние украинцы прибрали к рукам славянскую вышивку. Почему бы не присвоить, раз вам не нужно... Чеченцы, кстати говоря, при желанной встрече всегда и обнимаются, и целуются. Это объятия и поцелуи воинов. О боевом братстве русских и чеченцев поговорим позже, а пока о знаменательной встрече...

– Заканчивал в Томске техникум. Сейчас живу (называет город). Мать к себе перевёз. Два месяца здесь, а мама сейчас у сестры, в Томске. Связи, сами видите, никакой... Не могли бы вы матери в Томске букет цветов вручить?

– Какой разговор!

– Деньги я вам дам...

– Да не надо, для такого дела найду...

– Нет-нет. Не обсуждается....

Как режиссёр, чувствую в поведении молодого человека то, что в театре называют *зажим*. Быстро соображаю, в чём дело...

– Вы не смущайтесь, – говорю ему. – Я не *конторский*, но девятнадцатое и двадцатое декабря каждого года отмечаю как профессиональные праздники. С писателями так иногда бывает. Даже поздравления принимаю в самые неожиданные дни...

Вижу, что при упоминании профессиональных праздников бойцов невидимого фронта он понял, что перед ним тот человек, которому можно смело дать и телефон, и адрес... Разулыбался. Точно вздохнул с облегчением.

Вошли в ДК. Поднялись в истосковавшийся по капитальному ремонту зал, служивший нам гримёркой. Решили вручить в Томске не один, а три букета. Маме, тётушке и племяннице.

Забегая вперёд, скажу: первое, что сделал по приезду – купил три больших красивых букета цветов. Надел лучший костюм и отправился выполнять поручение. Прежде чем позвонить в дверь, нарисовал на лице улыбку во весь рот, чтобы, не дай Бог, не встревожить обитателей скромной однокомнатной

квартиры в малосемейке на окраине Томска, в бывшей промышленной зоне. Дверь открыла мама офицера. Протиснув лицо через густой, состоявший из букетов цветочный куст, театрально объявил:

– Вам привет и поклон от вашего Саши!

Дальше всё как положено... Само собой, слёзы мамы и многодетной тётушки, широко открытые от изумления глаза и рот девяти- или десятилетней племянницы с не по росту большим, первым в её жизни подаренным букетом в руках. И взявшие паузу в своём детстве два совсем ещё карапузика, о возрасте и половой принадлежности которых ничего сказать не могу. Проходить дальше порога не стал. В малогабаритной квартирке и без меня было очень тесно. Даже от трёх неожиданно появившихся больших букетов. Но главное – то, что получилось очень хорошо. Я бы сказал, по-офицерски получилось. Мой молодой земляк оказался главой большой семьи...

Вот на этом эпизоде я предполагал закончить повествование о Волчанске, но правда такова, что в очередной раз пересматриваю украинское видео... «Город-призрак» называется ещё один ролик. Пустой город. Не видно даже просто прохожих. Пасмурный, серый день. Дождик. Слава Богу, повторяюсь, не видно и разрушений. Вернутся люди. Обязательно вернутся. Получается, за один день пребывания я сроднился с Волчанском...

Концерты в воинских частях специфичны. Действующая армия есть действующая армия. Поэтому разница между понятиями «солдат» и «боец» очевидна и стоит того, чтобы сделать пояснения. Солдат – понятие, объединяющее всех военных от рядового до главнокомандующего. Понятие «боец», появившееся в Красной Армии во время Гражданской войны, более конкретизировано как «непосредственный участник боя». К тому же это слово имеет другое значение: «Рабочий на скотобойне, отвечающий за забой скота». Вероятно, в Советской Армии оно окончательно закрепилося после фильма «Два бойца».

Не успеваю удивиться,
в суть не проникнув до конца...
Разнятся на похожих лицах
глаза солдата и бойца...

У всех, кто боль возненавидел,
глаза с восторгом не искрят.
Кто смерть в лицо в бою увидел –
совсем иной имеет взгляд.

В бойцовском взгляде вы не отыщете и никогда не встретите и малой доли растерянности. Сквозят уверенность и готовность биться до конца... Глаза бойца пристальны. Тот случай, когда про обладателя таких очей говорят: видит насквозь. Нужно ли уточнять, что концертное выступление в такой зрительской аудитории – ответственное и далеко не простое дело. Общим яв-

ляется то, что зрители первоначально крайне сдержанны. Кажется, даже подозрительны. Конечно, до грубого подтекста «чего вы сюда припёрлись?» не доходит, но настороженность чувствуется. Сценическое лукавство, обязательное для шоу-бизнеса, в воинском концерте не прокатит. Расшифруют в одну минуту. Кто ты и что ты из себя представляешь, из зала читается на раз. Будут благодарны за простое человеческое внимание, но идолопоклонничества и фанатизма здесь искать не следует. Доверительность, о которой по делу и без дела часто толкуют, которую ни за какие деньги не купишь и никаким пиаром не обеспечишь, возникает не сразу. Но если возникает, то однажды и навсегда.

У нас все работают по-честному, без дураков. Как научены и воспитаны... Как режиссёр не могу не оценить находку – молодёжь сказала бы «фишку» – солиста александровцев Максима Маклакова. Очень сценичный, высокий, с сильным голосом Максим во время исполнения одной из песен отводит в сторону микрофон и поёт вживую. Демонстрируя не деланный, настоящий, живой и сильный вокал. Нужно ли говорить, что аудитория заценила...

В человеческое состояние, о котором говорила Елена Григорьевна, человек приходит через простые человеческие переживания. По этой причине концертная деятельность во время военных действий, как выясняется, является обязательной составляющей боевой работы. Не нами придумано. И, конечно, не хочешь, а вспомнишь «В лесу прифронтовом» Матвея Блантера и Михаила Исаковского: «Сидят и слушают бойцы, товарищи мои»... Вальс «Осенний сон» слушают бойцы... Не военные марши... Подход Елены Григорьевны мной оценён по достоинству... Усвоен:

Здесь о том не поют,
как бьют ворага,
а о том,
что желанно
и дорого,
вспомнят милые
струны гитарные,
как затихнут над полем
ударные...

На войне –
не поют о войне...

На воинских концертах Елена Григорьевна повторяет ещё одни слова... Старшины Васкова из «Зорь»:

– Война – это не то, кто кого перестреляет. Война – это то, кто кого передумает...

Один из воинских концертов проходит в Доме культуры на российской территории. Невольно сравниваешь здание с волчанским ДК. Как далеко ушла Россия за тридцать лет, если сравнивать два здания примерно одного года постройки! Фасад, внутренние интерьеры в идеальном состоянии. Всё перели-

цовано современными материалами. Современная, продвинутая световая и звуковая аппаратура... Ухоженный, уютный, с удобными креслами зал. Невольно сравниваешь помещение с примечательной буквой «эм» на дверях с помещением такого же назначения и с буквой «че» в учреждении культуры на сопредельной территории. Предоставляю читателю самому додумать, в чём заключаются различия визуальных и прочих ощущений... Скажу только то, что «ч» на двери – значит «чоловік». Мужчина – по-украински. Чоловік – это звучит гордо...

Работаем концерт с александровцами душа в душу... Нет и следа прежнего недоумения от объединения наших концертных программ. Хронологически затянутый концерт смотрится зрителем на одном дыхании. Длится он даже три часа, слушали бы и три. К тому же в госпиталях зрители отходят и на процедуры, и покурить. В курилке близко схожусь с одним из александровцев. Обменялись неформальными, комплиментарными оценками выступлений друг друга. По возрасту мы примерно ровесники. К тому же у меня есть опыт работы с армейским ансамблем песни и пляски. Выясняется, что мой собеседник, Александр Вершинин, один из немногих уцелевших артистов из прежнего творческого состава легендарного коллектива, погибшего в авиакатастрофе под Сочи во время сирийской кампании. В той самой катастрофе, где погибла легендарная Елизавета Глинка – доктор Лиза. Александр должен был вылететь другим бортом... Печать чудом выжившего, незримо и зримо, присутствует в его мужественном облике. Как я понял, прежде нештатному артисту ансамбля по личной просьбе министра обороны теперь пришлось стать артистом штатным. И это правильно. Кто-то должен передать молодым музыкантам едва не прервавшиеся традиции легендарного коллектива. Есть ещё одно важное качество. Ему, как, впрочем, и мне, довелось выступать в одних концертах с артистами-фронтовиками Великой Отечественной. И знали мы тех ветеранов достаточно молодыми людьми. Не намного старше нынешних воинов.

– Извините, – прерывает разговор артист концертно-эстрадного ансамбля гармонист Павел Андреев. – Дядя Саша, вас подполковник Голубцов ищет.

– Чего меня искать. Здесь я...

Зачем нашему Голубцову понадобился Вершинин, выясняется в финале концерта. По поручению командующего Западной группы войск он вручает медали нашим ветеранам боевых действий. Елене Драпеко, Александру Сметанину и Александру Вершинину.

Зал долго аплодирует каждому награждённому.

Нельзя не написать о волонтерском центре «Всё бесплатно» на границе Белгородской и Харьковской областей. Первоначально он возник как волонтерский пункт на границе областей. По инициативе Елены Русалки. Волонтеры на линии боевого соприкосновения носят позывные, как все другие бойцы. Когда наши части только заходили, система снабжения и обеспечения ещё отлаживалась, и три первых холодных месяца волонтеры работали в чистом поле на ветру и на морозе, можно сказать, с машины. Формировали так называемые «разовые пакеты» и забрасывали их в идущие на передовую машины. Подключилась областная администрация, белгородские предприниматели, и к лету

заработал целый волонтерский комплекс. Открыли даже небольшой ресторанчик «Солдатский привал», взявший за основу идею калужского предпринимателя Сергея Скрипкина готовить по-домашнему. Казалось бы, никакого отношения к боевой работе, ан нет. Нужно. Еда, бельё, продукты, предметы первой необходимости – всё для бойцов бесплатно...

Харьковчанин Александр, позывной Наум, сам ещё не так давно воевавший и познавший «прелести» украинского плена, напутствует приезжающих и проезжающих через комплекс бойцов:

– Возьми столько, чтоб осталось другим...

Как Айболит из сказки, «всем по порядку даёт шоколадки». Шоколадки маленькие, чтобы не занимали много места, но чтобы были... Где чай попить, где просто в рот забросить в минуту отдыха... Служившие в армии знают, что солдат – сладкоежка, как ребёнок. Опять же острота восприятия мира схожа с детским восприятием... Потому и детские письма на фронте, наверное, так дороги бойцам. К тому же и для одних, и для других лишних шоколадок не бывает.

Любопытно, что Русалка, Наум и ещё несколько человек вооружены холодным оружием, как некоторые бойцы в госпитале. С той разницей, что у Наума на ремне штык-нож от «АКМ-74». Смотрю и думаю: а не являемся ли мы свидетелями появления атрибутов национального костюма? В Сибири, кстати говоря, так было всегда. В тайгу без хорошего ножа никто никогда не ходил и не ходит. Даже писатели. У меня нож для такого случая – подарок от томской «Альфы»...

Сергей Скрипкин развил идею «домашней кухни» до уровня «кухонь национальных». Кроме объединяющего всех шашлыка, на который ежедневно уходит от ста до ста семидесяти килограммов мяса, для мусульман готовится халяльная пища. Которую с удовольствием вкушают и православные, и представители других конфессий.

– Чеченцы говорят, очень вкусно у нас, – с гордостью произносит Сергей.

– А вообще что говорят? – интересуюсь я.

– Это очень интересно. Спрашиваю... Отвечают: «Мы возвращаем долг России»...

Многие слышали другую историю. Как правило, в анекдотическом изложении, хотя в жизни было не до смеха... Услышав на улице освобождённого села русскую речь и мусульманское «Аллах Акбар», вышедшая из укрытия пожилая женщина не могла сдержать слёз:

– Слава тебе Господи! Наши пришли. Роденькие!

Вот так.

Крайний концерт – снова госпиталь. Он оборудован на базе городской клинической больницы. Было, ломанулся в помещение вслед за нашими девчонками к лежащим раненым, но сразу же остановился. Понял, что Анна с Ольгой там более уместны. Не дело это – хоть и не молодому, но здоровому мужику светиться в госпитальных палатах с гитарой в руках. Гитару в руки всё же беру. Исполняю свою песню на стихи Дмитрия Мерзлякова:

Я ломал это время
Руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы.
Напиши про любовь,
не пиши про печаль,
Напиши, что я взял
Мариуполь.
Напиши:
«Я тебя никому не отдам».
Напиши:
«Мы увидимся вскоре»...
Я не умер – я сплю,
и к моим сапогам
подступает
Азовское море.

Анна продолжает удивлять... Тот случай, когда актриса – не функция, а личность. Таким, как правило, трудно работается в театре. Она сама по себе театр. Как выясняется, ещё и поэт... Предваряя стихи, рассказывает о своих выступлениях в столичной клинике перед тяжелоранеными и о примечательном знакомстве:

– Я плохо отношусь к татуировкам, но у него они были просто потрясающие. Он футбольный фанат, и на одной из ног был набит герб «Манчестер юнайтед». На другой полузащитник «Манчестера» – Дэвид Бекхэм.

Цитирую с отснятого мной видео. Как у автора в рукописи, не знаю. Мне показалось, что, может быть, так:

Пашка
родился
в рубашке...
В плотной,
бронезилетной...
Он смерть обманул –
он вредный...
К тому же
ещё балагур...
Весёлый такой
паренёк.
Хабаровский
кавээнщик.
Лишился
обеих ног.
А был
футбольный
болельщик.
«Манчестер»

на левой ноге.
На правой
был Дэвид Бекхэм.
Как ранило на войне,
рассказывал нам
со смехом.
– Очнулся, –
говорит, –
сначала шок...
Ощупал
причинное место.
Фу, цело...
А вместо ног –
кровавое,
липкое тесто...
– Жаль Дэвида,
жаль «Манчестер»...
Но всё остальное
на месте.
Есть с чем
возвратиться
к невесте...
Весёлый такой
паренёк.

На правой руке у него
семейное, детское фото.
На левой
король полёта –
Гагарин.
А на спине –
кадры
бойцовского клуба.
Финальный –
на фоне окна.
Мы хором сказали:
– Паш, круто!
Но ты же не видишь –
спина...

А он отвечает:
– Не вижу...
Но чувствую...
Вновь смешок.
Живёт
такой парень

на свете.
Весёлый такой
паренёк.

Когда наш поход
по палатам
закончился,
мы вышли в парк.
А там, средь берёзок,
солдатам
травил анекдоты
чудак –
наш Пашка.
Вокруг него
столько
таких же, как он, –
живых,
в рубашках
рождённых,
красивых
и молодых!
Кто на костылях,
кто в «карете».
Кто рук лишился,
кто ног.
Курят,
Смеются,
как дети,
и ветер
относит
дымок.
А в центре
герой наш –
Пашка.
А в сердце
его юморок.
Пашка –
родная рубашка.
Весёлый такой
паренёк.

– Я послала ему эти стихи, – продолжает Анна. – Спросил: «Я что, теперь звезда?». – Да, говорю!

Не могу удержаться от своего комментария... Наверное, Пашка – нынешнее, живое воплощение Василия Тёркина...

В зоне СВО неоднократно можно слышать, что каждая новая война не похожа на войну предыдущую. Так оно и есть. Наверное, по-прежнему верно утверждение, что «первой жертвой войны становится правда». Но, думается, что не всегда нужно говорить всю правду о войне. Уже потому нельзя, что она насколько страшна, настолько и очевидна, без всяких о ней рассказов. Мы что, не знаем, что в конечном итоге произошло с захваченным в плен моральным уродом, до этого звонившим матери убитого им русского сына-солдата с его телефона? Никто не усомнился в судьбе ещё одного ублюдка, не дожившего до трибунала, а до этого рассыпавшего угрозы в адрес президента Чечни и членов его семьи. Законы войны, как никакие другие, полностью соответствуют войною же порождённому Римскому праву... «Закон плох, но это закон». Только наказание за преступления на войне куда ближе, чем кажется военным преступникам...

За летними месяцами, как снаряды, пролетели дни, недели и месяцы осенние. Порождая в том числе информационные взрывы... Расстрел группы наших пленных – очередной вызов. Адресовали обществу... Первой узнала армия... Наследники висельников решили с судьбой поспорить... В декабре новостные каналы обыденно сообщили о полном уничтожении 80-й бригады ВСУ, причастной к расстрелу...

Возмездье настигнет карателей,
и как ни петляй, ни коси –
не быть государству предателей
в пространстве великой Руси.

Небольшая ремарка: стихотворение оказалось вымаранным из подборки, привезённой из поездки. Впору в очередной раз спросить: «С кем вы, мастера культуры?». Не думаю, что редколлегия областной газеты посчитала государство, построенное на предательстве самих себя, жизнеспособным. Просто не надо бы... А может быть, их смутило другое четверостишие из этого стихотворения:

Европа теперь рода среднего...
Европо придётся понять:
война до нациста последнего...
Иначе воскреснут опять...

Не хочешь, а вспомнишь завет Навального, обращённый к соратникам: «Не можете выступить открыто – саботируйте»...

Так или иначе, но первое, что выносишь из зоны СВО, – «Наше дело правое. Победа будет за нами». Что бы там ни ботал по мове незаконнорожденный президент незаконнорожденного государства. Что до державности – не получится удержать то, что тебе не принадлежит и никогда не принадлежало.

Кроме основного признака современных войн, непохожести одной на другую, один из бросающихся в глаза признаков нынешней – это то, что мы

являемся свидетелями войны войск специального назначения. Кроме собственно спецназа и ЧВК, до их уровня подтягиваются и равняются в боевой подготовке части и подразделения всех родов войск. А ещё – полузакрытые лица бойцов почти всех воинских подразделений вне поля боя. В последних военных конфликтах чаще и чаще армии приходится иметь дело с террористами, не афиширующими свои лица. В условиях информационного общества террору незачем знать лица антитеррора.

Затрещат
квадрокоптеры
утками,
дирижируя
музыкой жуткою...
Автоматы
нещадно чирикают...
Мины свистом
беду с горем кликают...

Спой
заветную песню,
соловушка,
чтоб моя не поникла
головушка.

«Ту-154» принимает нас на борт ночью в Белгороде. За прошедший день лайнер пролетел по уже известному маршруту. Как со старыми знакомыми, встречаемся с рок-музыкантами, прошедшим днём вылетевшими из Севастополя. Тут же военные и гражданские специалисты. Теперь ещё и отпускники...

Общее настроение можно охарактеризовать как радость возвращения. На полёте к Москве рокеры неожиданно затянули: «Ой, то не вечер, то не вечер»... Секунда – и весь салон авиалайнера запел вместе с ними.

Даст Бог,
и скоро мы обнимем
тех, с кем
по многу раз прощаемся...
Мы на войну идём одними,
Всегда иными возвращаемся...

На заседании секретариата Союза писателей России докладываем с Ольгой о командировке. Впечатления ещё не отстоявшиеся. Ловлю себя на мысли, что особо не хочется ничего рассказывать. Невольно осознаёшь родство с фронтовиками. Ну были... Ну видели... Под обстрел, Бог миловал, не попадали, но гаубичное буханье доводилось слышать. Один раз совсем близко. Но поминать такие мелочи, прямо скажу, неловко, когда не так далеко миллионный город восемь лет жил и продолжает жить в зоне боевых действий. Ежедневно

ходит на работу, на учёбу, в детские садики под не прекращающимися обстрелами. Когда, ложась спать, человек не знает, суждено ли ему проснуться живым грядущим утром. Теперь ещё и под натовскими боеприпасами, по наводке американского космического ока... И где любой мальчишка на слух может определить, что *прилетело* и из чего, какого калибра и с какого направления. Цель обстрелов – мирные люди. Посему промахов противоборствующая сторона не допускает. Шальных снарядов при обстреле городов Донбасса не было и нет. Все в цель. Враг не просто коварный и кровавый. Он подлый.

Поднимаю вопрос в Министерстве обороны об аттестации писателей как военных корреспондентов. Ничего удивительного в этом нет. Аттестованы же как военные художники члены Художественной студии имени Грекова. Да что говорить, если в 1941 году все 2341 советский писатель прошли такую аттестацию.

Николай Фёдорович Иванов, полковник в отставке, делает для себя пометки в блокноте. Ещё нет речи о частичной мобилизации, но её необходимость ощущается всеми, кто близко соприкоснулся с СВО. Соответственно требуется централизованно создавать фронтовые концертные бригады. В том числе из мобилизованных и добровольцев...